

УДК 94(571):316.14

Кабакова Наталья Васильевна,

Кандидат исторических наук, доцент,
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (г. Омск),
natalya-kabakova@rambler.ru;

Бережнова Марина Леонидовна,

Кандидат исторических наук, доцент,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
berezkh@bk.ru

Статус и права одинокой женщины в сибирском регионе в XVIII – первой половине XIX века

Аннотация: В статье рассмотрено положение одиноких женщин в Сибири на основе массовых документов XVIII – первой половины XIX века: Дозорной книги Тарского уезда 1701 года и ревизий населения 1721–1850 гг. по Тарскому уезду Тобольской губернии. Этих источники включают уникальные истории жизни одиноких женщин и позволяют судить о массовости этого явления.

В изучаемый период женщины, особенно податных сословий, играли подчиненную роль в хозяйственной и общественной жизни. Определенную самостоятельность получали только те редкие женщины, которые оказались в силу различных обстоятельств без покровительства мужчины.

Далее в статье рассматриваются права женщин по распоряжению имуществом: передача земель по поступным крепостям, купчим, закладным и «упросу». Приводится единичный факт, доказывающий, что женщины имели возможность передать свои земли по своему усмотрению третьим лицам, игнорируя права родственников. Однако женщины редко оставались одни, вступая даже в невыгодные браки. Эта стратегия объясняется стремлением женщин получить определенный социальный статус. Этот тезис доказывается не только документированными фактами, но и с привлечением этнографических параллелей.

Как особый случай одиночества рассматривается судьба солдаток – женщин, чьи мужья были отданы в рекруты. Будучи формально замужем, солдатки не могли законным путем разрешить эту ситуацию. Между тем жизнь требовала участия мужчин в их судьбе, что приводило к появлению незаконнорожденных детей.

Из проанализированных материалов был сделан вывод, что, несмотря на определенную правовую защиту, возможности ведения хозяйства и совершения сделок, которые у женщин были, «нормой» оставалось замужество. Высказано предположение, что стремление к замужеству определяется не только хозяйственной необходимостью, но

и стремлением женщин занять определенное положение в обществе, которое определялось только положением мужчины.

Ключевые слова: женщины в Сибири, замужество, вдовство, социальный статус.

О статусе и правах одинокой женщины в сибирском регионе в XVIII – первой половине XIX вв. можно судить по разнообразным документам. Несомненно, что подобная информация имеется и в материалах учета населения, среди которых «Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.» и ревизские сказки.

Трудно оспорить тот факт, что в изучаемый период женщина играла подчиненную роль, особенно в организации хозяйственной жизни. Другим важным аспектом этих рассуждений является сословие, к которому женщина принадлежала. Представительницы социально продвинутых слоев общества зачастую были состоятельны в общественной и хозяйственной жизни. Но вердикт относительно женщин тяглых сословий однозначен: определенную самостоятельность получали только женщины, оказавшиеся в силу различных обстоятельств без покровительства мужчины.

«Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.», в которой описываются хозяйственные владения, размеры налогов и податей, имущественные споры жителей региона, учитывает в общей сложности 1348 чел.¹. В этом документе женщины упоминаются только 23 раза. При этом 16 из них – жительницы города Тары, остальные – из близлежащих деревень: Ставской – 2 чел., Шадринной, Нагаевой, Кучковской, Ананьиной и Спасского монастыря – по 1 чел. Все эти женщины были привязаны к мужчинам: «Лукерья Федорова, вдова Федьки Толмачева жена», «вдова казачья жена Максимки Кузнецова Марфучка Максимова», «вдова татарского головы Ивановская жена Лаптева Агрофена Малофеева» и пр. Сами имена этих женщин позволяют судить о социальном статусе умерших мужчин, глав семей, о положении, которые эти женщины занимали благодаря этому, о родственных связях (вдова, жена, теща, дочь, падчерица).

Следует иметь в виду, что даже упоминание личного имени женщины в документе начала XVIII в. свидетельствует о повышении её личного статуса. По словам исследователей более раннего периода отечественной истории, женщины до конца XV века чаще всего назывались вообще без личного имени: «Глебовая Всеславича, Даниловна Романовича» [6, с. 83]. Аналогично мужчинам, Дозорная книга называет всех женщин, применяя личные имена в их уменьшительной форме – Анютка, Марфица, Ульянка, Иринка и пр. Именно так именовали русские документы того времени представительниц непривилегированных сословий – жительниц посадов и крестьянок.

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182 (Дозорная книга Тарского уезда 1701 года). Л. 423 об.

Незамужнюю женщину Дозорная книга именовала только по отцу или отчиму (стрельца Савки Пушкарева дочь его Иринка), а замужнюю, кроме того – и по мужу. Это позволяет определить и социальный статус семей, к которым они относились, и родственные связи, и, косвенно, социальную роль женщины.

Известно, что в XVII веке женщина получала юридическую и финансовую свободу только после смерти главы семейства: замужняя – по смерти мужа, незамужняя – отца. Причем девицы получали юридические права (особенно право наследования) очень редко, только при отсутствии у них братьев или других родственников мужского пола. Такие случаи зафиксированы и в Дозорной книге, но частотность их крайне мала: только четыре женщины, названные в тексте, не были вдовами. Составитель Дозорной книги вынужден назвать их, потому что эти женщины стали владелицами земли и участвовали в передаче своего имущества, доставшегося им по наследству от умерших отцов.

Дозорная книга называет документы, которые фиксируют акты распоряжения женщинами их владений. Чаще всего это поступные крепости, подтверждающие право на владение какой-либо собственностью. Например, «отставной рейтар Левка Данилов сын Баженов ... Тарского города казачий сын ... А пашни у него паханые от города наездом десятина с четвертью в поле, а в двух – по стольку же. Да непаханой земли, залежи и пустоши десять десятин. Владеет в общих межах с братьями ... У него с братьями пустоши и сенных покосов пятнадцать десятин. Сена косят по четыреста копен ... Владеет по поступной вдовы Григорьевской жены Атаманского Ульянки Васильевой с 1692 года ...»¹.

Помимо поступных, Дозорная книга перечисляет также и иные юридические документы, удостоверяющие права женщин на землю и распоряжение ею: купчие крепости (документ, удостоверявший приобретение в собственность имущества) [7], закладные (документ, свидетельствующий о залоге должником принадлежащего ему имущества), выписи (копия с акта, доказательство прав на земельное владение). По всей видимости, сделки подобного рода должны были осуществляться по инициативе женщин.

Один раз встречается в Дозорной книге случай пользования землей «по упросу»: «Иван Семенов сын Костылецкой ... пашни пашет ... по упросу у падчериц своих, бывшего таможенного подъячего Ивана Колпева дочерей его Татьяницы до Лукерьицы ...»². Как свидетельствовал В.И. Даль, «упросить кого – убеждать, умолять, просить о чем неотступно, склонять к чему усиленными просьбами ... Упрос – действие по глаголу» [2]. То есть, документ свидетельствует о том, что отчим своими неотступными просьбами добился от падчериц, получивших после смерти отца пашни «за речкой Кривушей десятину в поле, а в двух – по стольку же», возможности использования

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 121 об. – 122.

² Там же. Л. 13 об. – 14.

земли. Здесь же упоминается о том, что эти девицы являются владелицами сенокосов «на сто пятьдесят копен» на основании челобитья и данной с 1699 года ¹.

Дозорная книга повествует и других земельных владениях, находящихся в собственности жительниц Тарского уезда. Это – покотинное место снохи Алексея Иванова сына Заливина Лукерьицы ², пашня вдовы Сергеевской жены Калашникова (без упоминания её имени) ³.

Только один раз в Дозорной книге встречается упоминание об одинокой женщине, которая была вынуждена использовать в своем хозяйстве дополнительные мужские руки: «Тимошка Терентьев сын Кузнецов ... сын посадского отца, жил за Великим Государем», родом из Уфы, перебрался в 1695 году в Сибирь и «живет в доме у вдовы бобыльской жены Агашки Ларионовой, кормится работой» ⁴.

В целом же, надо сделать вывод о том, что собственностью женщины получали возможность владеть и распоряжаться в исключительных случаях. Существенным представляется и то обстоятельство, что ни разу не встретились в Дозорной книге упоминания о женщине-покупателе, в то время как в продаже земли и других угодий женщины участвуют.

По словам исследователей этой проблемы, настоящую свободу в Московской Руси (а, значит, и в Омском Прииртышье, поскольку большинство условий и правил жизни в сибирском регионе экстраполировалось из Европейской России), женщина приобретала только после смерти мужа, а настоящее уважение – в качестве вдовы» [6, с. 85]. Женщины редко оставались одни надолго. О вторичном замужестве вдов косвенно свидетельствует и Дозорная книга, упоминающая о появлении в семьях пасынков и падчериц. О Татьянице и Лукерьице, падчерицах Ивана Семенова сына Костылецкого уже упоминалось ранее. Помимо этого, перечислены еще три случая, когда в семьях были пасынки – у беломестного казака Алешки Иванова сына Неворотова, помимо собственных двоих сыновей, пасынок Данилка Петров сын Козлов; у Митки Васильева сына Дружинина – сын и пасынок крестьянский сын Микитка Петров; у казачьего сына Мишки Осипова сына Явинцева – двое своих детей и пасынок конного казака сын Сенька Матвеев ⁵.

Более поздние ревизии населения позволяют проанализировать семейные и брачные стратегии того времени: если умирал единственный мужчина в семье, то повторное замужество вдов, срочное замужество дочерей, только-только достигших брачного возраста, были самыми распространенными способы нормализации состава семьи. Особой является ситуация, когда уже

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 14.

² Там же. Л. 12 об.

³ Там же. Л. 34 об.

⁴ Там же. Л. 131.

⁵ Там же. Л. 227, 235 об.

пожилые родители выдавали замуж засидевшуюся в девицах дочь. Такие браки заключались с понижением социального статуса, часто мужьями становились вдовцы с маленькими детьми, мужчины зрелого возраста и т.д.

Таким образом, проанализированные материалы показывают, что, несмотря на определенную правовую защиту, возможности ведения хозяйства и совершения сделок, которые у женщин были, «нормой» оставалось замужество. Если соотнести эти наблюдения с народными обычаями, то можно провести такие параллели. Не будучи связанной с мужчиной, женщина приобретает особую прическу – распущенные волосы. Документирован и доказан факт, что девушки носят косу, покрытую головным убором, открывающим темя; женщины – закрытый головной убор, под который прячут все волосы. Только невесты, готовые к венчанию, не плетут кос и не покрывают голову. Допустимы распущенные волосы вдовы в момент похорон мужа как знак высшей скорби и, добавим, выражение полной беззащитности и отсутствия в этот момент социального статуса [4, с. 653, 658–660]. Обычно при анализе народных традиций используют теорию обрядов перехода, основным тезисом которой является обрядовое оформление (в том числе связанное с традициями материальной культуры) переходов из одного состояния в другое [1, с. 171]. Однако, анализируя обряды с точки зрения причастности к определенным социальным группам, можно заметить, что русская женщина распущенные волосы имела в момент, когда отлучалась от одного мужчины (например, отца), но еще не была причастна другому (в нашем примере, еще не вступила в брак). В этой ситуации женщины имели «нулевой» социальный статус, так как только связь с мужчиной позволяла женщине получить четко определенное место в общественной иерархии. Так что последующее замужество для вдов – единственный способ не только решить хозяйственные проблемы, но и занять подобающее место в обществе.

Из этих рассуждений понятно, почему наиболее тяжелой была судьба еще одной категории одиноких женщин – солдаток, чьи мужья были отданы в рекруты. Будучи формально замужем, солдатки не могли законным путем разрешить ситуацию одиночества и неприкаянности. Это положение подтверждают и народные поговорки: «ни вдова, ни мужняя жена».

Солдаткам, чтобы прокормить себя и детей, приходилось приспосабливаться к новым условиям, искать способы защиты от разного рода давления (правового, административного, общественного). Брачные узы считались святыми, и власти не могли запретить жене быть при муже, но соединение семей оказывалось сопряженным с многочисленными трудностями, порой непреодолимыми. Потому случаи, когда женщина следовала за мужем-рекрутом, встречаются крайне редко. Так произошло в семье Каргаполовых (Такмыкская слобода Тарского уезда), когда в 1812 г. в рекруты был забран один из сыновей – Сергей. А спустя 3 года его жена Анна Лазарева последовала к мужу, что было зафиксировано в

ревизской сказке¹. При этом на мать мужа, к этому времени овдовевшую, был оставлен единственный сын Каргаполовых Алексей.

Чаще всего жены рекрутов оставались жить в семье мужа. Репутация солдаток в общественном мнении была по определению негативной, они становились обузой для близких, их дети были лишены отца. Если же у солдатки рождался ребенок, то это в любом случае вызывало пересуды. В целом такое предубеждение имело основания. По ревизии 1816 г. солдатские жены выделялись отдельным списком. В сказках Такмыцкой слободы две солдатки из пяти имели сыновей, рожденных после отправки мужей на службу. Эти ситуации описывались так: «отданного в рекруты крестьянина (ф.и.) прижитой в солдатском уже звании сын (имя)»².

От особенностей источников зависит, насколько полно мы узнаем прошлое. Так, Дозорная книга хороша тем, что отражает жизнь сибирского общества как сложное сплетение правовых норм и имущественного положения отдельных лиц, социального статуса и человеческих эмоций. Описание одного имущественного спора³ обращает на себя особое внимание как яркое отражение человеческих эмоций, обычно скрытых от других видов исторических источников.

В 1684 году вдова Василия Веревкина Ненила после смерти сына Федьки «отпустила со двора» свою невестку Устиньцу с сыновьями. Некоторое, впоследствии не вполне установленное имущество этой семье было выделено. Сама Ненила осталась жить с другим своим сыном – Ивашкой. Этот сын также умер раньше Ненилы, и она осталась одна хозяйствовать на землях, принадлежавших ее умершему мужу. В споре 1701 года, когда Ненилы уже не было в живых, фигурировала выданная ею поступная крепость от 1690 года. По этой крепости вдова передавала некоему Митьке Казачнину принадлежавшие ей пашни, пастбища и покосы «в век без выкупа», то есть навечно и без права выкупа, «со всяким своим деревенским заводом» за долг в двадцать рублей.

Сам по себе размер долга очень велик. По подсчетам Л.В. Милова, во второй половине XVII века прожиточный минимум (только питание) составлял примерно 2–2,5 руб. в год на одного человека [5], а четверть ржи, по данным В.О. Ключевского, стоила от 20 до 40 коп. [3].

Выросшие внуки Ненилы в ходе дозора 1701 года пытались оспорить эту поступную крепость, но после проведенных исследований и даже ревизий на месте право на землю Митьки Казачнина было подтверждено.

И спустя 300 лет есть сомнения в том, что Ненила действительно могла задолжать столь большие деньги. Вероятно, выданная поступная оформляла желание Ненилы передать имущество не родным внукам, а третьему лицу. И

¹ ГИАОО. Ф. 408. Оп. 3. Д. 685 (Ревизские сказки Тарского уезда Тобольской губернии за 1816 год). Л. 30 об. – 31.

² Там же. Л. 187 об. – 188.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 47 – 50 об.

правовая ситуация рубежа XVII–XVIII веков позволила ей это сделать: желание женщины победило стремление мужчин вернуть себе дедово наследство. В научной статье не место эмоциональному анализу этой ситуации, но при кулуарном обсуждении Ненила была заподозрена в особом благоволении к Митьке, который, в свою очередь, его принял, что и ему чести не делает.

Таким образом, проанализированные материалы показывают, что, несмотря на определенную правовую защиту, возможности ведения хозяйства и совершения сделок, которые у женщин были, «нормой» оставалось замужество. Высказано предположение, что стремление к замужеству определяется не только хозяйственной необходимостью, но и стремлением женщин занять определенное положение в обществе, которое определялось только положением мужчины.

Список литературы

1. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/word.php> (дата обращения: 10.08.2014).
3. Ключевский В.О. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам (материалы для истории цен) / В.О. Ключевский. Сочинения в восьми томах. Т. VII : Исследования, рецензии, речи (1866–1890). – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/editors/k/kljuchewskij_w_o/text_0130.shtml (дата обращения: 10.08.2014).
4. Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 543–757. – (Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия. Т. XXXI).
5. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://statehistory.ru/books/Leonid-Milov_Velikoruskiy-pakhar-i-osobennosti-rossijskogo-istoricheskogo-protsesssa (дата обращения: 10.08.2014).
6. Неволина А.М. «Жена мужем красна». Именования женщин в документах XVII века // Русская речь. – 2012. – № 1. – С. 82–86.
7. Словарь русских историзмов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istorizm.ru/html/g/gramota.html> (дата обращения 10.08.2014).